

Россинская Светлана Владимировна, заведующая библиотекой «Фолиант» МБУК
«Тольяттинская библиотечная корпорация» e-mail: rossinskiye@gmail.com

*Беседа в литературном клубе «Прикосновение»
библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК
на тему: «Любовь Александра Герцена»,
в связи с 200 - летием со дня рождения писателя-революционера*

Имя **Александра Герцена** (25.02.1812-9.01.1870), первого русского революционера, известно всем из курса школьной программы. Мне оно известно по высказыванию **Виссариона Белинского** о нем *«У тебя страшно много, ужасно много ума, так много, что я право и не знаю, зачем его столько одному человеку...»*.

Да еще, пожалуй, по шуточным стихам **Наума Коржавина**, написавшего *«балладу об историческом недосыпе»*, или, по-другому, *«жестокий романс по одноименному произведению В.И.Ленина»*.

Любовь к Добру сынам дворян жгла сердце в снах,
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.

И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир трезвон.
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.

А тот со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать,-
Чем потревожил крепкий сон Желябова,
А тот Перовской не дал всласть поспать.

И захотелось тут же с кем-то драться им,
Идти в народ и не страшиться дыб.
Так родилась в России конспирация:
Большое дело - долгий недосып.

Был царь убит, но мир не зажил заново.
Желябов пал, уснул несладким сном.
Но перед этим побудил Плеханова,
Чтоб тот пошел совсем другим путем.

Все обойтись могло с теченьем времени.
В порядок мог втянуться русский быт...
Какая сука разбудила Ленина?
Кому мешало, что ребенок спит?

На тот вопрос ответа нету точного.
Который год мы ищем зря его...
Три составные части - три источника
Не проясняют здесь нам ничего.

Он стал искать виновных - да найдутся ли?-
И будучи спросонья страшно зол,
Он сразу всем устроил революцию,
Чтоб ни один от кары не ушел.
И с песней шли к Голгофам под знаменами
Отцы за ним,- как в сладкое житье...
Пусть нам простятся морды полусонные,
Мы дети тех, кто не доспал свое.
Мы спать хотим...

И никуда не деться нам
От жажды сна и жажды всех судить...
Ах, декабристы!.. Не будите Герцена!..
Нельзя в России никого будить.

А **Лев Толстой**, в свою очередь, в очередной раз срывая маски, как-то отметил:
«Революционеры - это специальность, профессия, как всякая другая - как военная (аналогия полная)».

Мне думается, быть женой революционера - тяжелое бремя. Быть женой писателя, «специальность» которого обязательно включает нарциссизм, неврозы и т.п., - двойное бремя. Быть женой Александра Герцена - тройное. И вся эта тяжесть легла на хрупкие плечи **Натальи Александровны Герцен** - «Натали», «сестры», как звал ее муж.

Мое воспитание началось с упреков и оскорблений...

Братья **Яковлевы** - представители старинного рода, богачи, родственники всей грибоедовской Москвы - были широкими людьми. Они были счастливы в детях, но внебрачных.

Младший - **Иван Алексеевич Яковлев** - имел замечательного внебрачного сына, которого звали **Александр Герцен**, а старший - **Александр Алексеевич** - имел внебрачную дочь, **Наталью Захарьину**. Сходство положения детей, однако, на этом исчерпывалось.

Александр Герцен рос как законный сын и, в конце концов, унаследовал отцовское состояние. Наталья Захарьина ютилась где-то возле любвеобильного папаши (который до самой смерти содержал крепостной гарем), а после его кончины была взята в дом тетушки, княгини **Марьи Алексеевны Хованской**. Тетушка была убеждена, что совершила образцовый поступок, ведь мать Натали - женщина из дворовых - с остальными детьми удалилась в Тамбов. Девочка существовала на неопределенном положении: считалось, что она должна быть и так навеки благодарна.

Социологи давно констатировали, что пламенные революционеры формируются не из «бедных людей», не из представителей низов, а из тех, кто живет в благополучии, но ощущает семейный (или школьный) гнет. Жизнь «сироты» у княгини Хованской может служить наглядным примером.

Принципы воспитания были «старинные». По словам Герцена, лучшего (хоть и пристрастного) биографа супруги, *«ребенок должен быть с утра зашнурован, причесан, навтытяжку; это можно бы было допустить в ту меру, в которую оно не вредно здоровью; но княгиня инуровала вместе с талией и душу, подавляя всякое откровенное, чистосердечное чувство, она требовала улыбку и веселый вид, когда ребенку было грустно, ласковое слово, когда ему хотелось плакать, вид участия к предметам безразличным, словом - постоянной лжи».*

А сама Натали спустя десятилетия вспоминала: *«Кругом было старое, дурное, холодное, мертвое, ложное, мое воспитание началось с упреков и оскорблений, вследствие этого - отчуждение от всех людей, недоверчивость к их ласкам, отвращение от их участия, углубление в самое себя...»*.

«Сирота» сопротивлялась, протестовала. Она, во-первых, читала так называемую *«неистовую словесность»* - **Гюго, Бальзака** и т.д. Она, во-вторых, дружила с крепостной девушкой-ровесницей. Она, в-третьих, полюбила кузена-бунтаря Александра, который уже успел вступить в борьбу с правительством. Точнее: правительство Николая I, навсегда испуганное восстанием декабристов, решило, что Герцен с ним борется.

В 1834 году члены кружка Герцена и его приятеля **Николая Огарева** были арестованы: пьяная студенческая посиделка показала мятежом и основанием для посадки. Юных вольнодумцев отправили в ссылку. Родственники - старинное дворянство - были потрясены и возмущены, но Натали видела в Александре героя.

Первая ссылка, или Милльон терзаний Натали

«Сирота» посетила бунтаря в тюрьме: *«Десять раз прощались мы, и все еще не хотелось расстаться; наконец моя мать, приезжавшая с Natalie в Крутицы, решительно встала, чтоб ехать. Молодая девушка вздрогнула, побледнела, крепко, не по своим силам, сжала мне руку и повторила, чтобы скрыть слезы: «Александр, не забывай же сестры».*

Перед «сиротой», бесспорно, открылась перспектива. Это - с одной стороны. С другой - роковая разлука. Кузен и кузина переписывались, однако в Вятке Герцен завел роман с замужней женщиной, а у той умер муж. Получилась двусмысленная ситуация.

Герцен повел тонкую игру - вдова оставила надежды на завидный брак и написала «отпускное письмо».

«Какое сердце ты предал! – писал Герцен о себе впоследствии.- Она благословляла меня на новую жизнь, желала нам счастья, называла Natalie сестрой и протягивала нам руку на забвение прошедшего и на будущую дружбу - как будто она была виновата! Рыдая, перечитывал я ее письмо».

Тем временем «сирота» переживала свой «милльон терзаний»: оберегая от любви к непутевому кузену, ее постоянно пытались выдать замуж.

Герцен, переведенный из Вятки во Владимир, атаковал. Был составлен план: она бежит из дому; он ждет ее под Москвой, в Перово: вместе они едут во Владимир и заключают церковный брак. Молодых (ведь Герцен - сын Яковлева!) благословил старенький архиерей, а губернаторша («милая, добрая Юлия Федоровна») прислала розы.

Жизнь налаживалась. Родился первый ребенок - сын **Саша**, позднее ставший знаменитым ученым. Во Владимире счастливую пару навестил **Огарев** с молодой женой. Кружок близких теперь включал не двух, а четырех. Юные революционеры и их юные жены встали на колени вокруг распятия и, *«обтирая слезы, обнялись»*. Вскоре **Марья Львовна Огарева** каким-то фантастическим образом выхлопотала всем прощение - ссылка закончилась.

Как читали романы в 19-м веке

Правительство не позволило Герцену забыть о лютой ненависти и революционной миссии. Перлюстрированное письмо к отцу с пустяковым критическим замечанием в адрес полиции стало поводом для срочного вызова в III Отделение и новых кар.

Герцен вспоминал, что жена *«с этого дня занемогла и, испуганная еще вечером, через несколько дней имела преждевременные роды. Ребенок умер через день. Едва через три или через четыре года оправилась она»*.

Условия второй ссылки - в Новгород - были еще более щадящими, чем первой: Герцен жил с любимой семьей, служил, виделся с друзьями, сочинял. Но ничего не забыл и не простил.

Затем - возвращение в Москву. Огаревых не было в России, однако Герцен опять вошел в круг блестящих интеллектуалов. Причем самым блестящим был он. И если жена Огарева когда-то натолкнулась на антипатию единомышленников мужа, то Натали блистала рядом с Александром.

Он - неунывающий сангвиник, она - грустная меланхоличка, но оба - в центре круга. Он продумывает социалистическое учение и оттачивает философскую диалектику, дабы обратить ее в инструмент решения общественных вопросов. Она размышляет об эмансипации женщин.

В ту пору Европа зачитывалась романами **Жорж Санд**, в которых велась пропаганда освобождения женщины от семейного и социального гнета. Санд яростно критиковала законный брак как несправедливый общественный институт и реабилитировала «тело», а ее персонажи - самоотверженные альтруисты - были готовы жертвовать собой, лишь бы облагодетельствовать своих любимых.

Герцен уважал Жорж Санд, Натали - боготворила. Герцен острит, утверждая, что вместе с женой обязательно «поклонился» бы Жорж Санд, *«лишь бы она не курила при мне, все права отдаю женщине, но женщина с трубкой - гермафродит»*, а Натали именовала ее Христом.

В относительно раннем романе **«Жак»** тема только нащупывается: муж по-настоящему любит жену, а потому, поняв, что жена любит другого, дает ей полную свободу - совершает самоубийство.

В романе **«Орас»**, который Герцен ценил у Жорж Санд больше других, противопоставлены два героя: один - буржуа, студент, другой - крестьянин, участник революционных боев; первый терпит неудачу человечески (бросает беременную возлюбленную) и исторически, в финале превратившись в обывателя-адвоката, второй же демонстрирует способность любить и бороться за свободу.

Совсем уж чудно получилось с романом **«Лукреция Флориани»**. Герой - аристократ Кароль - еще хуже Ораса: он капризен, себялюбив, не умеет любить. Зато заглавная героиня настолько любвеобильна, что родила четырех детей от четырех мужей.

Натали пришла от романа в совершенный восторг:

«О великая Санд, так глубоко проникнуть в человеческую натуру, так смело провести живую душу сквозь падения и разврат и вывести ее невредимую из этого всепожирающего пламени... Что бы сделали без нее с бедной Лукрецией Флориани, у которой в 25 лет было четверо детей от разных отцов, которых она забыла и не хотела знать, где они слышать о ней считали бы за великий грех, а она (т.е. Санд) становится перед вами, и вы готовы преклонить колена перед этой женщиной.

И тут же рядом вы смотрите с сожалением на выученную добродетель Кароля, на его узкую корыстную любовь. О! Если б не нашлось другого пути, да падет моя дочь тысячу раз - я приму ее с такою же любовью, с таким же уважением, лишь бы осталась жива душа ее, тогда все перегорит и все сгорит нечистое, останется одно золото».

Наконец, учебником жизни стала повесть «Маленькая Фадетта».

Санд строит повесть на контрасте двух братьев-близнецов: слабохарактерного Сильвине и решительного Ландри; оба влюблены в одну женщину - Фадетту, жену Ландри и духовную наставницу Сильвине; в финале Сильвине уходит в солдаты, чтобы не мешать счастью любимых людей.

Книги прочитаны, курс обучения пройден: Герцен готов к социальной революции, Натали - к сексуальной. Проницательнейший мемуарист **Павел Анненков** суммировал: *«Реакция против условий московского существования началась у нее с того мгновения, когда она почувствовала непреодолимое отвращение к буржуазным добродетелям. Ей*

уже сделались не только скучны, но и подозрительны доблести при домашнем очаге, семейный героизм, всегда довольный и гордый самим собой...».

Умер Иван Алексеевич Яковлев. Герцен получил внушительное состояние. Путив в ход связи, он - по примеру Огаревых - вырвался в Европу. Разумеется, в Париж - столицу революций и эротической вольности.

Психическая патология?

В 1848 году Европу потрясла череда революций. Во Франции была установлена республика. Европейская цивилизация оказалась на грани социального переворота. Однако социальная революция не удалась: лидеры новой республики («буржуазия») обратили оружие против социалистов, Герцен негодовал и проклинал буржуазию (по-русски - мещанство) как квинтэссенцию Запада. В это время Натали отважилась на свою личную, приватную революцию.

В эмигрантском интернациональном сообществе Герцен и его жена тесно сошлись с семьей **Гервегов**. Георг - поэт, демократ, вождь неудачного революционного рейда на территорию Германии; Эмма - любящая супруга. По колким словам Герцена, *«она открыто при всех волочила за своим мужем так, как пожилые мужчины волочатся за молоденькими девочками».*

Герцены и Гервеги на деньги русского бунтаря образовали полукоммуну, полусемью. И поначалу все обстояло прекрасно. Но далее ситуация развивалась, так сказать, предсказуемо: в августе 1849-го Гервег и Натали стали любовниками (на фоне аффектированной преданности обоим Герцену).

Счастливая Натали записала в книжечку Георга: *«Не надо ни революций, ни республик: мир будет спасен, если он нас поймет. Впрочем, если он и погибнет, мне это безразлично, ты всегда для меня будешь тем же, чем теперь. О приди же, приди и скажи одно лишь слово!..»*

Натали грезит в духе Жорж Санд: она будет Фадеттой, Гервег - Сильвине, Герцен - Ландри. Ну, где-то так...

Преследуемая французской реакцией, семья-коммуна перебралась в Ниццу и жила общим хозяйством. Натали мечтала, что к ним присоединятся Огаревы. Но в начале 1851 года Герцен прозрел. И повел себя по модели, которая отнюдь не напоминала ни Огарева, который растратил состояние для бросившей его жены, ни альтруистов Жорж Санд.

Он выставил Гервегов из дому и начал, как бы сейчас сказали, прессинговать Натали. Пошел обмен гневными посланиями, взаимными обвинениями, угрозами покончить с собой, зарезать собственных детей и т.п. К концу года конфликт достиг пика.

Во Франции произошел военный переворот, ликвидировавший республику. Мать и один из сыновей Герцена погибли при кораблекрушении. Натали недужила, тяжело перенося очередную беременность. Гервег вызвал Герцена на дуэль в письме, где объявил: что Натали была беременна его ребенком, что она извинялась за то, что потом забеременела от мужа, что она оставалась девственной в объятиях нелюбимого мужа и что она обязательно в конце концов бросит его.

Герцен отверг дуэльный вариант, который казался ему недостаточным. Он заставил жену написать последнее письмо Гервегу, а сам писал о ней так: *«С этой минуты ее презрение перешло в ненависть, и никогда ни одним словом, ни одним намеком она не простила его и не пожалела о нем».*

Роды вышли неудачными. Вначале умерла Натали, потом - новорожденный. Герцен, к его счастью, так и не узнал, что на смертном одре Натали отправила последнее-последнее письмо Гервегу: *«Я знаю только, что мои благословения будут следовать за тобой всюду...»* Письмо было опубликовано в XX веке и старательно замалчивалось советскими учеными.

Герцен проклял европейскую революцию - Натали же до последнего вздоха оставалась верна своей революции.

Потрясенный Герцен не впал в депрессию, не вышел на дуэль, но открыл масштабные военные действия. Он засыпал обращениями виднейших представителей европейской элиты - композитора **Рихарда Вагнера**, анархиста **Прудона**, вождя революционной Италии **Мадзини**, **Жорж Санд** и др. Он требовал суда во имя утверждения морали нового человека.

Суд не получился: далеко не все адресаты выразили сочувствие мужу-социалисту, который, защищая брак, губил жену. Герцен нанес новый удар - в литературной области, где был мэтром, он бил по врагу мемуарами: *«Вместо ножа - у меня в руках скальпель, и вместо брани и проклятий - принимаюсь за рассказ из психической патологии»*.

К чему приводят идеологические игры

«Былое и думы» (1852- 68) - один из шедевров мемуарной литературы, поистине великая книга, которую автор писал 16 лет и сделал энциклопедией своего времени. И, тем не менее, главное в ней - финальная битва за Натали. В историческом плане Герцен доказывал, что истинная трагедия Запада - торжество мещанства, буржуазии. В личном плане он свел семейную трагедию к «психической патологии» Гервега, который, оказывается, не революционер, но духовный агент Запада, символ деградации. В терминах Жорж Санд Гервег - отнюдь не Сильвине, но Орас, перерожденец и предатель. Причина гибели Натали - Гервег, Гервег - символ исторической победы буржуазии, значит, причина гибели Натали - историческая победа буржуазии.

Разумеется, не следует сводить содержание «Былого и дум» к подобного рода софизмам. И, тем не менее, при таком подходе автор изображает себя невинной жертвой исторических обстоятельств. Он не виноват ни во флиртах, которые травмировали Натали, ни в заражении ее одурманивающим языком глобального мироустройства.

Однако «Былое и думы» передает не только то, что Герцен намеревался сказать, но и то, что само ненамеренно сказалось. Рассказ о зарождении своей великой любви Герцен сопровождал замечательным лексикографическим экскурсом: *«Слово сестра выражало все сознание в нашей симпатии: оно мне бесконечно нравилось и теперь нравится, употребляемое не как предел, а, напротив, как смешение их, в нем соединены дружба, любовь, кровная связь, общее предание, родная обстановка, привычная неразрывность. Я никого не называл прежде этим именем, и оно было мне так дорого, что я и впоследствии часто называл Natali так»*.

Трудно отделаться от впечатления, что трагедия была предрешена и коренилась в изначальном «смешении» - опасных идеологических играх, в которые Александр научил играть жену-сестру.

Однако, это была еще не последняя трагедия в семействе Герцена.

Елизавета Герцен, 17-летняя дочь А. И. Герцена и **Н. А. Тучковой - Огаревой**, покончила жизнь самоубийством из-за неразделенной любви к 44-летнему французу во Флоренции в декабре 1875 года. Самоубийство имело резонанс, о нем писал **Федор Достоевский** в очерке *«Два самоубийства»*.

Что сказать в заключение?

«Человеческая жизнь - в сущности не бог весть что. Ограниченное число значимых событий» - так заметил в своем последнем романе француз **Мишель Уэльбек**, один из моих любимых писателей. И вроде бы так оно и есть: все мы рождаемся, получаем образование, строим планы, любим, разочаровываемся...

Но если почитать литературу и обратить внимание на какие-то детали и нюансы, вытащить на свет то, о чем люди, жившие, например, в 19-м веке, и сами предпочли бы забыть, то, в результате, абстрактная цепочка *«значимых событий»* нальется красками, наполнится неповторимостью, превращаясь в историю человеческой жизни.

«Бог - в мелочах» - гласит старинная пословица, тоже, кстати, французская. Если бы это было не так, писатели перестали бы писать книги, и библиотеки давно бы закрылись, а сами библиотекари остались без работы. Не правда ли?

Литература:

1. **Бугаевский А. В., Менцин Ю. Л.** Создатель первой обсерватории Московского университета. (К 200-летию со дня рождения Д. М. Перевощикова) // Земля и Вселенная. 1988. - № 4.
2. **Володин В. А.** А. И. Герцен в размышлениях о науке. - М.: Природа, 1987.
3. **Герцен А.И.** Сочинения в 2-х томах, т. 2/ Александр Иванович Герцен.- М., 1986.- Стр. с. 352.
4. **Гурьянов В. П.** А. И. Герцен - студент физико-математического факультета Московского университета // Труды ИИЕ. Т. 5. - 1953. Т- Стр. 379 - 386.
5. **Валовой Д., Валовая М., Лапшина Г.** Дерзновение // М.: «Мол. гвардия», 1989. - 314 с., ил. (Стр.194 -206.)
6. **Капица П. Л.** О лидерстве в науке // Капица П. Л. Эксперимент, теория, практика. - 2-е изд. - М., 1977.
7. **Лебедев А. А.** Нетерпимость // Лебедев А. А. Выбор. Статьи. - М., 1980.
8. **Одесский М.** Любовь Александра Герцена/ Михаил Одесский //Крестьянка. - 2009.- № 2.- Стр. 48-51.
9. **Пирумова Н.М.** Александр Герцен - революционер, мыслитель, человек// Шикман А.П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. - Москва, 1997 г.
10. **Сергеенко П.** Толстой и его современники.- М., 1911. - Стр. 13.